

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

В ЧУТЬ ВИДИМОМ ПРОЧЕСТЬ

книга новых стихотворений

В. ГАНДЕЛЬСМАН
●
В ЧУТЬ ВИДИМОМ ПРОЧЕСТЬ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХVII

Меланхолическое настроение

Из окна кто-то шаркает,
облакает мгла, что м, сычется,
да роскошным подарком
всі сыра земля не насытится...
Из того, что читается,
ничего не обязано следовать,
и когда потемнеет
окопательно, стоит ли сетовать?
Небо тучами застлано.
Не зови свои веру в свидетели,
никому не воздастся
за смешные ей добродетели.
Кресто-кружовращение,
возвещенное шкелечным эллином,
оборвётся — ни вши,
ни миза — кичело, что капем нам.
Кони, что м, возмечего
ржут, но если оказия выдалась,
трогачи, нет ничего там
из того, что живому привиделось.

 - март 2017

Владимир Гандельсман

В ЧУТЬ ВИДИМОМ ПРОЧЕСТЬ

книга новых стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХVII

ББК 84.Р7
Г19

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 978-5-89803-254-8

© В. Гандельсман, 2017

МИМОЛЁТНОЕ

С утра кондитерская — кофе с круассаном
и Ра, рассыпавшийся в бликах на столе.
Ни мысли лёгкой, ни тем более — о самом.
Великолепного безделья сомелье.

Лоточник, лодочник вечернего Бродвея,
витрина париков, всё ветер, вздор,
реклама мюзикла «Аида», а правее
лицом красавицы красавец тешит взор.

Счастливый театрал и мот, его не гложет
ни бедность, ни болезнь. Зачем болеть?
Кому завидовать? На склоне лет, быть может,
тому несчастному, что хочет умереть?

МЕЛАНХОЛИЧЕСКОЕ НАПУТСТВИЕ

Под окном кто-то шаркает,
облетает листва, что ли, сыпется,
да роскошным подарком
всё сырая земля не насытится...
Из того, что имеется,
ничего не обязано следовать,
и когда потемнеет
окончательно, стоит ли сетовать?
Небо тучами застлано.
Не зови свою веру в свидетели,
никому не воздастся
за смешные его добродетели.
Просто круговращение,
возвещённое солнечным эллином,
оборвётся — ни вещи,
ни лица — ничего, что напели нам.
Кони, что ли, возникшего
ржут, но если оказия выдалась,
трогай, нет ничего там
из того, что живому привиделось.

УЛИСС В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

— Как несносен
ветра вой... Слышишь эту скорбную осень?

— Осень, знаю.
Но не слышу, не вижу, не осязаю.

Я всего лишь
сон твой, сын, ты себя-меня им неволишь.

— Трижды душу
я хотел обнять твою. Разве я трушу?

Трижды руки
я тянул к тебе. Сокрушительней муки

нет на свете,
чем твоя недоступность и тени эти.

— Нет у мёртвых
ничего, что есть у людей, плотью гордых.

Нет ни силы
той, которой состав твой скрепляют жилы,

ни души нет.
Я твой сон. Ты оплачь его. Пусть он сгинет.

А покуда
не усвоить тебе загробного чуда,

подвиг ратный
жизни, сын мой, зовёт тебя в путь обратный.

ЭЛЕГИЯ. СЕМЕЙНАЯ САГА

В чуть видимом прочесть, а часто —
в невидимом. Хрустальный зверь повис
над скатертью — разбитый вдрызг, лучистый,
осколками сверкает сверху вниз.
На скатерти закуски в узких лодках.
Графин. Стрекошет речи ручеёк
семейный. Семенящий, в позолотах
ночных огней, дождь за окном. Очаг.

Седой хозяин у рояля. Счастье
романса. Хризантемы. Баритон.
В чуть видимом прочесть, а часто —
в невидимом. Тайнственный тритон
продольной памяти, продольно-поперечной,
притон подсвеченный. Хозяйка. Нежный сын.
Его невеста. Скоро жизни брачной
рассвет, а с ним закат. Лучи глубин.

Учи любви уроки, гость случайный,
ещё ты мальчик в дебрях тех квартир,
где запах старости и кухни выжелт чадный,
а дверью ошибёшься — там сатир
танцует с нимфою, и всё подробней,
всё стереоскопичней и родней...
О, хриплый патефон! Захлопни
дверь и оставь козлиный миф за ней.

Взгляни туда, где летних дней отрада.
Цветёт тяжёлой поступью сирень,
и просится в стихи веранда,
и пастушок фарфоровый, свирель
целующий, стоит на этажерке.
Родится новый мальчик между тем,

а прежний станет юношей, и тень
падёт на прошлое по скорбно снятой мерке.

Чуть что — хозяйке скорую. Укол.
Сбегались тётушки, добрейшие золовки.
Хозяин первым всё-таки ушёл.
Поминки. Хризантемы. В позолотах
ночных огней... Хозяину вослед
ушла супруга. Торною, конечно,
тропинкой ковылять — не столь крошечный
кошмар, ведь там супруг. Закат. Рассвет.

Закат. Лет через сорок «новый мальчик»
погибнет, а отец (тот «нежный сын»),
болельщик, будет сутками один
смотреть бесстрастно, как гоняют мячик.
Когда-нибудь ударят по мячу
последний раз, и к сыну, не переча,
сойдя, он молвит: я заждался встречи.
И скажет сын: пойдём, я посвечу.

ЭЛЕГИЯ ПАМЯТИ
(перечитывая Л. Чуковскую)

Жил на Чайковского я, потом на Шпалерной.
Что ни адрес, Софья Петровна, то скверный.
Разве что нам повезло —
те же парадные и подворотни, но зло
сникло — казалось, того и гляди растает,
даже пригрезилось: рассветает.
Так ли уж рассвело?

Тот же февраль и та же калошная слякоть,
но, кроме ветра, никто нас не смел облапать
и обыскать. Те же окна во льду...
Разве что нету
больше трамваев — огни их цветные на лбу
вылетели из памяти как в трубу.
Я узнавал номера их по цвету.

Эти «месткомы» ещё или «парторги»
шастали по словарю, точно крысы в морге,
но «треугольник»
стал геометрией вновь, покинув палату
умалишённых, но выдавали зарплату
в амбразуру окошка — в такую когда-то
ты свой голос протягивала. Где твой невольник?

Ящик ещё почтовый — письмо тебе снилось? —
«Правда» торчит... Убиенные (всё прояснилось!)
писем не пишут... Отстроились города.
Где та старуха, молящаяся, как на икону,
на ящик, взывающая к закону?
О древнегреческий хаос, эпитетом наделённый...
Организованный, да.

Организация! Всё, что бесчеловечно,
сплачивается крыснознаменно, увечно.

Нет и не будет письма.
Пушкин ошибся: и посох в руках, и сума, —
и пока ты по городу — быть ему пусто! — бродила,
Софья Петровна, автор тебя пощадила
тем, что свела с ума.

Так ли уж рассвело? Горбуны и плюгавцы
в тех же палатах, и — черви их белые пальцы,
лица их — мясо.

Так не забудем же, проходя мимо Спасо-
Преображенского, крестного её часа,
набережную — не дай повторения Бог той
ночи! — с восходом над Охтой.

НА ГОРИЗОНТЕ

Пока зонтики шли, чёрные зонтики,
и осень всхлипывала, всхлипывала,
вдруг увидел маму на горизонте
памяти, и меня ослепило.
Ясно увидел комнату, свет белый —
третий год, как она лежала, —
пока зонтики шли и листва летела
в будущем, и впивалось в меня жало.
Как она не могла сладить, сладить
со своей рукой или речью.
Если славить, только святого славить,
не проклинающего удел человеческий.
Она всматривалась в окно, чтобы
это будущее моё увидеть
без себя, в дождь подробный
вжить печали глаз своих, в его нити,
чтобы они вернулись, вернулись, —
пока зонтики идут, чёрные зонтики,
и осень всхлипывает всхлипом улиц, —
и ослепили меня на горизонте.

ЭЛЕГИЯ СБОРОВ

Я собираюсь. Паспорт, ключ, билет,
зубная щётка, мыло, полотенце.
Двойной (с учётом зеркала) балет,
томительный, и, вроде заусенца,
тревожащее чувство: нет пути.
Треклятый дятел, тюкающий в темя.
Не то чтобы я вещь не мог найти —
не помню, *что* искать. Не выйти. Время!

С порога вспять — и вновь нутро
квартиры, и кружение в гостиной,
в столовой, в спальне, в кухне. Нет. Зеро.
О, летний полдень, долгий и пустынный.
Сандалии. Хламида. Шлем. Копьё.
Дремучий дом. Где талисман удачи?
В коробке в том углу, зарыт в тряпье.
Обол в кармане. Если что — без сдачи.

Я собираюсь. Скрупулёзный труд.
Но что-то мелкое забыто.
Не главное. Как, вещь, тебя зовут?
Ты не разбитое ль корыто?
Объёмы воздуха по комнатам стоят.
Прозрачный мрамор. Солнечные нити.
Где Ариаднина? Все вещи мёртвым спят
сном по коробкам. Время! Но не выйти.

Пленённый скарб, и ты его конвой.
Но как судьбу переупрямить?
На стену тень легла. Моя. Кого
позвать, чтобы обвёл, запечатлев на память?
О, выйти, выйти. На тебе лица
нет. Выброситься из порочной яви!

Складной алтарь, микенский меч, овца,
таблички, жемчуг в золотой оправе.

Трофеи: два оливковых венка.
Три вазы. Лира. Да? Не много ль чести?
Вострепещите, ветхие века!
Я на пороге. Марафон на месте.
Пространство замкнуто. Спасительная брешь,
найдись! Что длит мою истому?
О, держит, может быть, не вещь —
страх и извечная прибитость к дому.

Тебя писал слепой. Но не Гомер, а крот.
Ты не был на пиру. Ты видел пьянку.
Ты Одиссея, но наоборот.
Путь, вывернутый наизнанку.
Закат сгорел. Вот пригоршня золы —
посыпь главу. Уйми свои рулады.
Поход отложен. Развяжи узлы.
Открой окно. Вдохни ночной прохлады.

ЭЛЕГИЯ ОБУСТРОЙСТВА

Витрин потусторонний свет.
Крик из оравы детворы: «Ты водишь!»
Зайдём? А почему бы нет?
Гляди перед собой. Что взор отводишь?

Комиссионки полугрязь
и запах старости дырявой.
К подержанным вещам, стыдясь,
примериваться, боже правый.

Вот этажерка. Поздний час.
Чем я могу тебя утешить?
Нам нужен минимум: матрас
и что-то вроде вешалки. Чтоб вешать.

Спой что-нибудь. Та-та.
Как не грустить, весь день угробив?
Весь день — ещё не жизнь. А *что* тогда?
Посмотрим обувь.

Там сколько блюдец? Ровно три.
Побитые. Зато бесплатно.
К чертям. Не хочешь — не бери.
Что значит «блюдце», будь оно неладно?

Растерзанные горы тряпок.
А обуви? Надену — не моргну —
с чужой ноги ботинок или тапок.
Но из чужой посуды не могу.

Потусторонний сей Эдем
ещё когда-нибудь вернётся.
Дай обустроиться, я покажу им всем.
Кому? Тому, кто подвернётся.

Когда нас будут гнать взащей,
мы не допустим пошлого повтора,
мы не сдадимся — не сдадим вещей
в анналы нищего позора.

Их дело — честная зола.
На свалке — средь ночного пересверка
холодных звёзд — мы их сожжём дотла.
Будь проклята ты, этажерка.

НА ПРОЩАНИЕ

Есть скрытый страх,
что не сумел сказать,
как сыпучий снег
падает в сад,
как древесная вязь,
как в каплях окно,
как врозь
не бывает... Но

есть открытая боль,
в ней нет стихов,
есть небесная даль —
в ней нет домов,
не растут цветы,
не прядётся нить
жизни... — и ты
перестаёшь говорить.

ЭЛЕГИЯ. ОТЕЦ

Жалок стал и слезлив.
Надвигался локомотив
смерти, а он стоял на путях
вроде застрявшего тяжеловоза, впотьмах.

Я был рядом, но далеко, на молчаливый плач
обречён в грядущем. Оно палач.

Между Сновском, где протекает Снов,
и вечерний разброд по домам коров,
и доение во дворах,
и молочный пар над ведром, и рыжий пацан в дверях, —

и Ленинградом с его рекой
(самой точной его строкой),
с очередью в пивной ларёк,
с офицером, берущим под козырёк,
с шинельным отрезом дармового сукна,
из которого что-то пошьёт дочерям жена, —

он стоял на путях
вроде тяжеловоза, впотьмах.

Я был рядом, но далеко. Я ещё не знал,
что не всякий зал ожидания — праздник. Что есть обвал
и давальня не для сока или мезги,
но — прессующая мозги.

Там соседствует шелуха
семечек и куриные потроха
с лукоморьем услышанного впервые стиха,
чьё-то кокетливое «тебе не к лицу»
с Левитаном из репродуктора на кронштадтском плацу...

Как пчела с цветка, предъяви пыльцу.

Я был рядом, но я шагнул
к сотам жизни, когда приближался гул.
Я не слышал тогда укориэн
грядущего, и какие там плачи и палачи...

Выбирающий жизнь
выбирает смерть ближнего. Помолчи.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Я устал.
Ни любви, ни блаженства.
Где ты, мой идеал?
Вот он я. Ты само совершенство.

Идеал!
Сразу хочется под одеяло.
Нет, под несколько одеял.
Сон как первоначало.

Сядь на стул.
Да не тяпой-растяпой.
Что с тобой? Пифагоря хлебнул.
Гегельянки накапай.

Погоди,
я глотну «Абсолюта».
На здоровье. Но так не гляди.
Как? Так люто.

И не зли.
Сколько лет мы с тобою не пара?
Как мы жизнь провели?
В меру личного дара.

Что-то ось
покосилась и в доме безлюдно.
Ничего нам не удалось.
Да. Зато абсолютно.

ОДНА ЖИЗНЬ

А пока подрожим
или подорожим
солнца сиянием,
синих стрекоз стоянием
в воздухе дня на весу,
плеском, капающим веслом.

Там сосуды озёр
сообщаются, пар
над вечерней землёй,
над извилистою змеёй,
над лягушкой с подскоком
пауз по низким осокам.

Атом к атому точь-
в-точь подогнан, и ночь
к дню прибита гвоздём —
испаряющейся звездой,
в подорожнике утром
разгоревшейся остриём.

Истины босиком
друг за другом гуськом
по росе тянутся,
ни на миг не расстанутся,
лучась, не иссякая.
Утренняя Навсикая.

Там, на топких мостках,
прачка, бельё в тазах,
в мире ни росстани,
стирка, белые простыни,
согревающим счастьем
приникают доски к ступням.

Высекая искру,
как из жизни игру,
лучепёрая вверх
извернётся и высверком
плавника глаз уколет,
но и радостью утолит.

По стезе золотой
поступь чайки литой —
жадный взгляд и живой,
и накат волны кружевной,
и прислужниц мячика
вижу, вдали маячащих.

А секунду спустя
дачный вижу пустырь —
там, предавшись судьбе,
залётный атлет в разбеге
блещет великолепьем,
потрясая, воин, копьём.

За копьём своим вслед
чужеземный атлет
улетит, кончится
август, поздний истончится
час, как жизнь, истекая.
Плачущая Навсикая.

Синих узких стрекоз
с лицами стариков
острое зрение,
время как измерение,
замершее на нуле,
насекомое на игле.

ЭЛЕГИЯ. СО СТОРОНЫ

Как затеяно это, затеплено, из каких
красок соткалось в единое — золотых?
грозных? землистых? ненасытимо-живых?
Видеть непререкаемость их.

Видеть, как женщины на раздутых вовсю парусах
плывут в роддома, как лежат на весах
младенцы, как начинаются титры —
то крылата кисть чертит в небесных полях палитры, —

как начинаются кадры —
то влетает ветер в квадратны
метры комнаты, и новые паруса
раздуваются, и на подвиг ратный
(потому что путь этот — безвозвратный)
снаряжаются подрастающие леса.

То ночные кроны
пошевеливаются, ночные корни
пробивают землю,
и сочная разрастается зелень.

То выходят игролюбивые
к пышноланитным и дугобровым,
чтоб сочетаться блаженно лаской и ложем, и львиные
рыки и визги нимф разносятся по дубровам.

Как потом затихает путаница-стихия,
и седой сатир, из-за мольберта глазаея,
малюет два кокона, две сухие
оболочки, — прощай, Психея!

Он себя почитает царём в центре мира,
зная: там ни царя, ни сатира.

Есть огромный дышащий океан.
Не беснуйся, разума узник.
Как пустой орган
насыщает музыка,
так Его рука
водит кистью прицельной твоей и узкой,
отправляя в плаванье облака.

Если ж всё на свете былё,
если время выжато и висит, как бельё,
если плесень расписывается на стене
и идут санитары, чтоб вынести в простыне
что-то страшное, отработавшее своё,
то зачем затеяно бытиё?

ЭЛЕГИЯ. ЗЕРКАЛО СЦЕНЫ

Предложили роль. Я согласился.
Дни и ночи той поры бесценны.
Я в их труппе был кассиром, но косился
в сторону юпитеров и сцены,
на которой и заколосился.

Нет, не мигом. В роль вживаются не с ходу.
Но когда в твою звезду
Мастер верит, ты растёшь ему в угоду,
всей душой шепча: «Расту, расту».

Как любил я запах костюмерной,
бархат занавеса, доски декораций,
бутафорию — весь этот мёртвый
мир, способный воскресать и разгораться,
подчинясь актёрской вере вёрткой.

Вёрткость веры! Штукарям игры,
братству странников единокровен,
я любил вечерние пиры —
захолустные заезжие дворы —
все вокруг Мастера, с ним заодно и вровень.

Да! Но кто меня проникновенней
слышал то, чему учил он днём и ночью?

«До костей прознай себя, до тех мгновений,
что неуловимы, точно тени,
до любви врождённой, непорочной —
в существе твоём нет места многоточью! —
и отдай всё образу, и в нём исчезни».

Да? Но как из образа я выйду,
если полностью исчезну в новой жизни?

Он учил, чему не учат: чуду.

Я отрёкся.

Но не подал виду.

.....

Слишком роль свою ценю я
и особенно, когда целую
главного героя, и за мной толпятся
воины-легионеры с копьями, и злую
я вершу судьбу свою чужую

в ночь на пятницу.

НОЧНОЙ СМОТРИТЕЛЬ

Всё пошептом да пошептом, читай,
что дальше там, какой ещё подьячий,
где дочь твоя, смотритель, то-то, чай
несёт, глаза в смущенье пряча,
я по казённой надобности здесь,
да, но с предчувствием печальным,
и сердце закипает, занавесь
окно, читай, о чём-нибудь, о дальном,
нет ближе ничего, здорова ль дочь,
бог знает, говоришь, сними с горящих
свечей нагар, читай, что дальше, ночь,
и плач, и причитанья всех скорбящих,
и набережная, и тот трактир,
явленье ротмистра в халате,
лакей военный, да, и вечный мир,
который обретёшь на Минском тракте,
здорова ль дочь, да где ты, за прогон
кому платить, кругом одни огарки,
и осень за углом, а с ней сам сон,
и вырин на дворе, вороний, каркий.

ИЗ ЛУЦИЛИЯ

В том добродетель, Альбин, чтобы истинной мерой отмерить
всем по заслугам людям, с которыми жить нам придётся.

Две восьмилетних девочки, две ученицы
играют в комнате, на лицах блики солнца.

На ликах блицы солнца.

Одна веснушчата.

(Опилками усыпана арена,
я помню, пахнет дальним зверем.)

Другая — вся фарфоровая балеринка.

(Сквозняк, колышутся портьеры, как кулисы,
я помню дрожь её и хрупкое волнение детства.)

В чертах одной есть то и дело строгость
сорокалетней женщины, упрямой
и несчастливой.

Другая, а точнее её природа,
так не заглядывает далеко, лопочет и лучится.

И вдруг веснушчатая в грудь её толкает —
и балеринка падает и замолкает на осколки.

Тогда в испуге злюка

давай рыдать и причитать сквозь слёзы:

«Разве могу терпеть? Разве могу терпеть я?»

И тут мне вспомнилось, как разъярился Скотий,
когда убит был конкурент Красавций,
как в страхе он кричал, как Блядия его голубила
и шепелявила, поглаживая плешь ублюдка.

Помнишь, мы родились
в свет, в яркость,
в голоса
окликающих нас матерей
в январском дворе?

В каждый новый миг
мы не умели видеть
смерть предыдущей —
ничто ещё не умирало в ту пору,
даже секунда.

Помнишь, все были живы?
Ещё не измерено было горе
в единицах слёз
и никто не стоял,
прикрывая ладонью рот,
в тишине утраты.

Только пространство и отпечатки
люстры или дёревца
на сетчатке. Время
не наступило ещё на пятку
Ахиллеса, и эпос
пастбищем был, а не бойней.

Не было этого «помнишь»,
потому что *нас*
помнили, а не *мы*.
Нам ещё предстоял тихий
ужас воспоминаний,

когда начинает идти
время, уничтожая
радость простую,
радость пространства, —
с первого воспоминания,

которое я забыл.

ОКНО

Птичий щебет в золотом окне
и резьба по дереву в огне,
промельк, промельк мотыльковой почты.
Проявленья жизни беспорочны.

Все они растут-летают голенько,
а сквозь них просвечивает нечто,
что не знают люди-алкоголики,
что, в отличие от человека, вечно.

Ты прочтёшь это в глазах кошачьих
или в кронах, свет крошащих,
сквозь крапивницу или капустницу узришь —
и в секундном слове воспаришь.

Что чудней и что разнообразней
нелакейских сил природы? Что случайней?
То, что не заискивает в жизни,
ближе к равнодушной её тайне.

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Пот осени, когда она тепла.
Задымлены небесные тела.
Голубоглазы жестяные крыши.
За деревьями — острова.
Шарфы на шеях и немного выше.
Яйцо в оплётке — голова.

На Петроградской стороне —
дождей косящая страда.
Когда я в ноябре родился, мне
ещё и года не было тогда.
Но уж в родные закрома
ложилась — кто б вы думали? — зима.

Её полей белеющая мгла.
Секунда жизни быстро истекла.
А то б я волновался дольше
да и сказал намного больше.
Но кротость говорит: будь краток.
И воцаряется порядок.

С ОСТАНОВКАМИ

как безумный льнёт мнёт её лицо
целовать пытается но для неё
это пытка смотрит в окно
электрички холодно смотрит и далеко

следующая песочная

светом сочатся стволы муж от неё отстал
обречённо глядит перед собой
жена отводит глаза устало
как если бы их везли на убой

следующая левашово

плешь его ушёл в мобильник за за за
окном сосен ровный шаг
она то приоткроеет то закроет глаза
прижимает к груди пластиковый мешок

следующая парголово

покачивается пара голов
где-то в другом конце разговор
высажу врать не надо обрывки слов
точно всемирный стыд идёт контролёр

следующая шувалово

жалкого жаль и жалкую шпалы
скрипы уключин и крендель булочной
за шлагбаумами
блочные эти дома вечер солнечный

ПЕЙЗАЖ В ЧИСТОМ ВИДЕ

Серым мазком положенный океан,
шкурой шторма внутрь,
не говорит: ты меня окинь
взглядом или оклигни утром.
Плоскость неба — голубоватым мазком,
жёлтым — прибрежная полоса.
Если подглядывать в глазок
за разноцветными голосами,
всё разрушишь, скверно
ввалившись тучной душой в окоём.
Скука тихая всего верней.
Бесталанность — вот с кем спокойно.
Океан слегка на закате горит,
и когда я вспыхиваю устало,
— ты и ночью меня не тревожь, — говорит, —
заволокнись в своё одеяло.

СТАРИК ВСПОМИНАЕТ И МУДРСТВУЕТ

Шел за ручку на́ реку, медленно разгорался день,
накупили на рынке ягод и фруктов, дивный
благоухал прилавок, в рифму просилась тень,
и едва отошли, ты схватил белоналивный
плод и роскошно и жадно его разгрыз!
Кто осадит тебя за жадность или осудит?
Смерть? Ты с нею всего лишь теряешь жизнь
и спокойно справишься с тем, что тебя не будет.

Сестрица мерила наряд,
шепчась с соседкою,
ещё не умер друг, и брат
входил с ракеткою.

На ветках в дымке золотой
птенцы чирикали,
мальки сновали под водой,
часы не тикали.

В то время я не воспарял
и не загадывал
желаний. Ставни растворял —
и свет окатывал.

Ты помнишь лето — день за днём —
какое выдалось?
А что надвинулось потом,
то и надвинулось.

Когда вплотную к ничему
стоишь, возможно ли,
чтобы ушедшие во тьму
прощально ожили?

Ведь нет любимых в тех краях,
где мне прощение
мерещится за мерзкий страх
развоплощения.

ТОЖДЕСТВО

В мёртвые часы
когда ни чувств, ни мыслей,
открой тайник боли,
на время забытый, спасительный,
возвращающий к жизни.
(Только боль к ней и возвращает.)

Ты увидишь, как вьёт
горе своё гнездо. Что ни дерево —
то гнездо. Что ни ветвь —
то жилы, что ни вечер —
закат червонный.

И тогда на краю сознания
загорится стыд.

А как станет боль нестерпимой,
убери тайник с глаз долой
и зарой его в чернозём обратно.
(Мёртвому стыд неведом.)

слышишь звучит паровозный гудок
станции Щорс ненасытный глоток
воздуха с примесью гари
в горле застряли толчки поездов
запах травы остывающий ночью гербарий
вълны за изгородью чёрных садов

вровень с ребёнком задуман плацкарт
руки родные отрывочный пар
вовремя вовремя надо сойти
по узорчатому железу ступенек
голос с третьего или седьмого пути
вдоль полотна крапива ремень репейник

улочками под россыпью звёзд живых
мимо подсолнухов спящих седых
источающих накопленный жар
помню а если забыть придётся
шевеление стад коровьих или овечьих отар
нескончаемо и без тебя не прервётся

◇ ◇ ◇

Если однажды не вынырну
(жизнь, как ты знаешь, убийственна),
я тебе боль верну.
Она единственная.

Ей не нужны враги —
только любимые. Как почернею дочерна,
ты её береги,
чтоб оставить в наследство дочери.

Береги, не развей,
хоть и нет в боли красоты...
Для кого? Не смехи, оставь для своей,
потому что моя — это ты.

НАКАНУНЕ

В девять мы легли —
она у себя, я в своей.
Говорит: «Опять задувает». Ветер земли
дул, раскачивая тень ветвей.
Я хотел её поддержать,
словно видя висящую на волоске
жизнь, но слов, чтоб ей не дрожать,
не нашёл, сам подрагивая в тоске.
Что с того, что подлинность есть
в том, как ветер окно задувает, а ты — свечу,
если наших утрат не счесть
и считать не хочу?
Ничего с того.
Праздник, он с головы до пят
пробирает, мать. Особенно Рождество.
Как начало утрат.

ВЫПИСКА ИЗ БОЛЬНИЦЫ

Смотри, вот белый порошок,
вот жёлтый, синий,
зелёный, а на посошок
прими павлиний —
на случай, если времена
перемешались
и ты забыл их имена.
Чья это шалость?
Господня? — Только что в мозгу
вертелось слово,
а вышел — свет, и не могу
найти простого.
Ни слова, ни лекарства нет,
ни дня, ни ночи, —
жизнь, распушив павлиний свет,
мне застит очи.

ЭПИЛОГ

Если ты пережил смерть родных
или хуже: измену их,
если ты чудом остался жить,
как тебе быть?
Выйти к морю? Уставиться в полосу,
отделяющую его от небес,
душу держа на весу,
пока не исчезнет вес?
Что это? Что сейчас
здесь и с тобой?
Биология безразличных масс
или то, что тебе причиняет боль?
Полчаса — и заря сменяет зарю.
Я не знаю, кто понуждает: «живи».
Если б сердце *думало*, говорю,
оно бы останови

СОДЕРЖАНИЕ

Мимолётное	5
Меланхолическое напутствие	6
Улисс в подземном царстве	7
Элегия. Семейная сага	8
Элегия памяти (перечитывая Л. Чуковскую)	10
На горизонте	12
Элегия сборов	13
Элегия обустройства	15
На прощание	17
Элегия. Отец	18
После работы	20
Одна жизнь	21
Элегия. Со стороны	23
Элегия. Зеркало сцены	25
Ночной смотритель	27
Из Луцилия	28
«Помнишь, мы родились...»	29
Окно	31
Городской пейзаж	32
С остановками	33
Пейзаж в чистом виде	34
Старик вспоминает и мудрствует	35
«Сестрица мерила наряд...»	36
Тожество	37
«слышишь звучит паровозный гудок...»	38
«Если однажды не вынырну...»	39
Накануне	40
Выписка из больницы	41
Эпилог	42

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ «АВТОГРАФ» ИЗДАНЫ:

- Б. Ахмадулина. Ларец и ключ
- С. Кекова. Короткие письма
- В. Салимон. Невеселое солнце
- И. Лиснянская. После всего
- Ю. Кублановский. Памяти Петрограда
- И. Бродский. В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов. Лепет
- А. Пурин. Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц. Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский. Праздник
- В. Гандельсман. Там на Неве дом...
- В. Дроздов. Стихотворения
- Л. Лосев. Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков. Стихотворения
- Д. Новиков. Караоке
- И. Жданов. Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров. Парафразис
- Е. Шварц. Западно-восточный ветер
- Б. Ахмадулина. Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон. Красная Москва
- В. Зельченко. Войско
- Б. Кенжеев. Сочинитель звёзд
- А. Битов. В четверг после дождя
- Л. Лосев. Послесловие
- И. Лиснянская. Ветер покоя
- В. Гандельсман. Долгота дня
- Е. Шварц. Соло на раскалённой трубе
- Т. Кибиров. Интимная лирика
- В. Павлова. Второй язык
- В. Кривулин. Купание в иордани
- М. Ерёмин. Стихотворения
- Б. Ахмадулина. Возле ёлки
- Д. Новиков. Самопал
- Т. Кибиров. Нотации
- В. Соснора. Куда пошёл? И где окно?
- С. Гандлевский. Конспект
- Б. Рыжий. И всё такое...
- П. Барскова. Эвридей и Орфика
- И. Лиснянская. Музыка и берег
- Л. Лосев. Sisyphus redux
- В. Дроздов. Обратная перспектива
- Т. Кибиров. Amour, exil...
- В. Соснора. Флейта и прозаизмы
- В. Гандельсман. Тихое пальто
- В. Павлова. Линия отрыва
- В. Коваль. Участок с Полифемом
- Е. Шварц. Дикопись последнего времени

- **Б. Ахмадулина.** Пуговица в китайской чашке
- **А. Поляков.** Орфографический минимум
- **Б. Рыжий.** На холодном ветру
- **В. Соснора.** Двери закрываются
- **С. Кекова.** На семи холмах
- **П. Барскова.** Арии
- **М. Степанова.** Тут — свет
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 2
- **С. Стратановский.** Рядом с Чечнёй
- **А. Кушнер.** Кустарник
- **Е. Тиновская.** Красавица и птица
- **Т. Кибиров.** Шалтай-болтай
- **В. Гандельсман.** Новые рифмы
- **О. Чухонцев.** Фифиа
- **Л. Лосев.** Как я сказал
- **Е. Шварц.** Трость скорописца
- **Д. Шереметьев.** Улика
- **В. Гандельсман.** Школьный вальс
- **С. Стратановский.** На реке непрозрачной
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 3
- **А. Цветков.** Шекспир отдыхает
- **В. Волченко.** Без охраны
- **Д. Воденников.** Черновик
- **Е. Шварц.** Вино седьмого года
- **Л. Элтанг.** о чём пировать
- **С. Гандлевский.** Некоторые стихотворения
- **В. Гандельсман.** Исчезновение
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 4
- **О. Седакова.** Всё, и сразу
- **Л. Лосев.** Говорящий попугай
- **П. Барскова.** Прямое управление
- **С. Стратановский.** Смоковница
- **В. Гандельсман.** Ладейный эндшпиль
- **В. Салимон.** За лицевую стороной пейзажа
- **С. Стратановский.** Граффити
- **Е. Шварц.** Перелётная птица
- **М. Степанова.** Киреевский
- **В. Гандельсман.** Читающий расписание
- **В. Гандельсман.** Видение
- **С. Стратановский.** Иов и араб
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 5
- **В. Гандельсман.** Аркадия
- **С. Стратановский.** Молотком Некрасова
- **Т. Кибиров.** Время подумать уже о душе
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 6
- **С. Стратановский.** Нестройное многоголосие
- **В. Гандельсман.** В чуть видимом прочесть

**«ПУШКИНСКИМ ФОНДОМ»
В СЕРИИ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» ВЫПУЩЕНЫ:**

- **К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- **А. Генис.** Темнота и тишина
- **О. Шамборант.** Признаки жизни
- **А. Генис.** Пейзажи
- **С. Лурье.** Успехи ясновидения
- **О. Шамборант.** Срок годности
- **О. Исаева.** Мой папа Штирлиц
- **В. Соснора.** 15
- **С. Гандлевский.** Странные сближения
- **С. Лурье.** Нечто и взгляд
- **С. Лурье.** Изломанный аршин
- **С. Лурье.** Вороньим пером

В СЕРИИ КНИГ «ЗЕРКАЛО»:

- **В. Яновский.** Поля Елисейские
- **Б. Ахмадулина.** Однажды в декабре
- **С. Гандлевский.** Трепанация черепа
- **В. Соснора.** Дом дней
- **Е. Шварц.** Определение в дурную погоду
- **А. Битов.** Дерево
- **С. Гандлевский.** Поэтическая кухня
- **В. Соснора.** Книга пустот
- **В. Соснора.** Камни NEGEREP
- **И. Бродский.** Горбунов и Горчаков
- **Л. Петрушевская.** Карамзин деревенский дневник

ВНЕСЕРИЙНЫЕ КНИГИ:

- **В. Кальпиди.** Ресницы
- **Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- **Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- **А. Ерёмченко.** Горизонтальная страна
- **Гильгамеш.** Аккадское сказание
- **А. Цветков.** Дивно молвить
- **Е. Шварц.** Сочинения в 5 томах
- **С. Гандлевский.** Найти охотника
- **Б. Рыжий.** Стихи
- **В. Соснора.** Всадники
- **В. Павлова.** По обе стороны поцелуя
- **М. Дидусенко.** Полоса отчуждения
- **Н. Уперс.** Апокрифы Феогнида
- **А. Березин.** Пики-козыри
- **Т. Кибиров.** Внеклассное чтение
- **А. Березин.** Самоорганизация материи
- **Е. Мороз.** Евреи и Рим
- **А. Мелихов.** Колочий треугольник

Г19

Гандельсман В. В **В чуть видимом прочесть.**
Книга новых стихотворений. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2017. — 48 с.

ISBN 978-5-89803-254-8

ББК 84. Р7

Гандельсман Владимир Аркадьевич
В чуть видимом прочесть
«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2017

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»
191186, Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 12

Тираж xxx экз. Заказ № xx
Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86
Тел.: (812)322-6843

ПУШКИНСКИЙ ФОНД